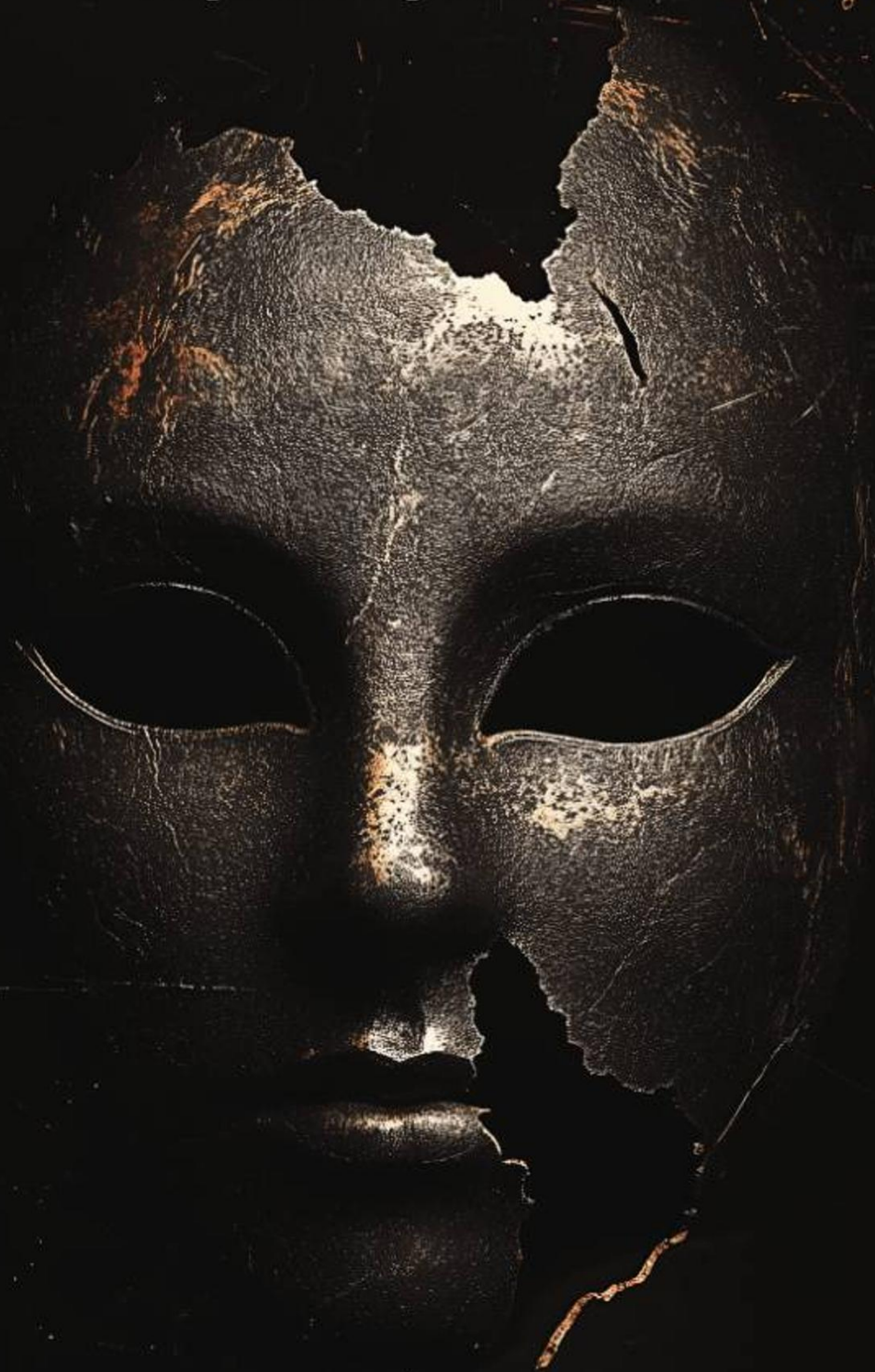

Сергей Кузнецов

" Скандал. Балансодержатель. "
Диптих.

Сергей Кузнецов

" Скандал.

Балансодержатель. " Диптих.

«Автор»

2026

Кузнецов С. И.

" Скандал. Балансодержатель. " Диптих. / С. И. Кузнецов —
«Автор», 2026

Эта книга — авторский литературно-философский диптих. Первая его часть («Скандал. Балансодержатель») разворачивает метафизическую притчу в декорациях коммунального абсурда, где за гротеском проступает высокая мистерия о Слове, Музыке и возвращении домой. Вторая часть («Эсхатология резонанса») продолжает разговор в жанре классического философского эссе — тихого размышления о двух пониманиях Конца Света, о тайне всеобщего восстановления и о том, почему Творец мироздания — не суровый управдом со счетами, а Тот, за чьим столом хватит места всем.

© Кузнецов С. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Сергей Кузнецов

" Скандал. Балансодержатель. " Диптих.

Глава

СКАНДАЛ Балансодержатель Часть I Художественный рассказ.

Истошно трещало короткое замыкание. Едко пахло горелой изоляцией. В тусклом свете коридора с облупившейся краской кипело великое коммунальное стояние. Центром притяжения был раскуроченный электрощиток, нависший на стене, словно выпотрошенный алтарь. Толпа жильцов гудела, яростно размахивая пожелтевшими бумажками. Аркадий Маркович, главный фарисей от ЖКХ, прижимал к груди ветхую квитанцию, как скрижали завета, и тыкал дрожащим пальцем в темноту щитка: — Побойтесь Балансодержателя! — срывался он на фальцет. — В квитанции за ноябрь ясно сказано: норматив потребления света в местах общего пользования есть величина священная и неделимая! А кто-то ночью опять грел чайник! Грешники! Вы воруете благодать прямо из сети! Ильич, сутулый скептик с отвёрткой, меланхолично ковырялся в потрохах щитка, не обращая внимания на летящие искры: — Да нет там никакой благодати, Аркаша. Там ноль отгорел, — бубнил он себе под нос, мрачно шурясь. — И Балансодержатель твой давно съехал. Проводка сгнила ещё при царе Горохе, а вы всё бумажкам молитесь. Печать там выцвела, это вообще ксерокопия. Мы тут одни, понимаешь? Одни во вселенной с текущим унитазом. На старом сундуке под вешалкой недвижимо сидела тётя Паша из касты «ждунов». Она смотрела сквозь скандалящих соседей блаженным, пустым взглядом: — Вот выйдет Хозяин, — тягуче вздыхала она, кутаясь в пуховый платок. — Выйдет, достанет главную расчётную книжку, и всем воздастся. И за чайник, и за лампочку Ильича. Надо только потерпеть. Посидеть в темноте и подумать о вечном. — Я не буду сидеть в темноте! Я за неё не платил! — взорвался Аркадий Маркович, потрясая священным квитком. — Это нарушение Свода! Это ересь в масштабах одного коридора! Пока три конфессии рвали друг друга на части у щитка, из-за приоткрытой двери промерзающей каморки за ними наблюдал Адамов. Дремучий, фатально путающийся в графиках дежурств, он неловко переминался в полумраке, вжимаясь широкими плечами в косяк. В его грубой, мозолистой ладони была зажата бумага, найденная утром у порога. Она разительно отличалась от истрёпанных платёжек соседей. Девственно-белая, без казённых цифр и бездушных красных печатей. Посередине, словно живое дыхание, переливалась золотом всего одна строка, выведенная твёрдым, размашистым почерком: «От Балансодержателя — Адамову». Золотые буквы жгли ладонь, требуя сделать первый шаг. Адамов шумно выдохнул, вытер лоб рукавом и, тяжело шаркнув растоптанным тапком, вышел под искрящий свет перегоревшей проводки. — Извиняйте... — глухо проговорил он, с трудом пробиваясь сквозь хор проклятий, и широкой ладонью протянул им чистый лист с золотой вязью. — Тут вот... принесли. Не пойму, куды это... На секунду у щитка повисла пауза. Три пары глаз с раздражением уставились на неуклюжее недоразумение. — Адамов, ну кто сейчас платит?! — брезгливо сморщился Аркадий Маркович, отмахиваясь квитком. — Вы что, слепой? У нас концептуальный кризис системы! Идите в комнату и читайте Свод, пока не просветлеете! — Да выкинь ты её, дремучий, — сплюнул Ильич, даже не взглянув на золотые буквы. — Бланк нестандартный, печати нет. Развод это всё. Иди спи. — Иди, милый, иди, — пропела с сундука тётя Паша, устремив остекленевший взор в стену. — Запрись и жди. Хозяин сам у всех спросит. По всей строгости. Они отвернулись от него так же синхронно, как и замолчали. Адамов постоял ещё мгновение, виновато вздохнул, бережно спрятал письмо за пазуху и попятился назад, в спартанский мрак своей каморки. Дверь тихо закрылась, отрезав его от мироздания. А в центре коридора, возвышаясь над мелкой человеческой суетой, всё так же

незыблемо стояла дверь Балансодержателя: тяжёлая, дубовая, глухая. Коридор тонул во мраке, едком дыму и взаимных проклятиях. Три конфессии у щитка уже готовились перейти от споров к рукопашной, когда в парадную дверь постучали. Это был не робкий стук просителя и не тяжёлый удар участкового. Элегантный, почти музыкальный стук человека, который точно знает, что ему откроют. Дверь распахнулась с протяжным скрипом, хотя никто не двинулся с места, и впустила в душный коридор струю холодного сквозняка. На пороге стоял Люций Феров. На фоне облупленных стен и ржавых труб он выглядел пугающе неуместно. Безупречно скроенный костюм, лёгкий налёт гастрольной пыли на туфлях, трость с серебряным набалдашником и массивный, обитый бархатом кофр. На лице — непроницаемая, отрепетированная улыбка. Он неспешно обвёл взглядом раскуроченный щиток и замерших жильцов. — Господа квартиранты! — провозгласил он, и его бархатный голос заполнил собой пространство. — Прошу прощения за этот восхитительный хаос. Люций Феров. Антикризисный управляющий. Представитель вашей новой Управляющей Компании. — Какой ещё компании? — подозрительно прищурился Ильич, перехватывая отвёртку. — У нас Балансодержатель... — Балансодержатель, — мягко перебил его Феров, — временно недоступен. Взял бессрочный отпуск. Посмотрите вокруг, господа! Он оставил вас во тьме, с перегоревшей фазой и мёртвыми параграфами. Но я здесь, чтобы всё исправить. Мы не будем менять сгнившие провода. Это долго, грязно и бессмысленно. Мы изменим саму концепцию вашего восприятия тьмы. Люций щёлкнул замками кофра. Внутри не было ни пассатижей, ни мотков медной проволоки. Там плотными рядами лежали старинные зеркала, хрустальные призмы и гранёные стёкла. Он извлёк изогнутую линзу и установил её напротив щитка, где тлела последняя, умирающая искра Балансодержателя. Зеркала сами встали по углам и сомкнулись на латунных шарнирах в единый аппарат. Люций поймал линзой крошечную искру, преломил её, размножил и закольцевал. Коридор взорвался тысячами сияющих зайчиков. Облезлые обои скрылись за золотыми бликами, потолок превратился в хрустальный купол, а из недр кофра полилась тихая, убаюкивающая музыка. Жильцы замерли. Зеркала выхватили из их подсознания самые сокровенные коммунальные мечты и спроецировали на стены. Каждый увидел в амальгаме своё. С нелепым, детским облегчением они замолчали, блаженно погружаясь в музыкальную дрёму. Никого больше не волновало, что согревающий их свет — всего лишь украденный блик. Люций Феров удовлетворённо поправил манжеты. А затем медленно повернул голову к глухой двери Балансодержателя. В его тёмных глазах поднялась невыносимая сыновняя тоска и злая детская обида. Он смотрел на дубовые плахи так, словно пытался прожечь их насквозь.

Парадная дверь поддалась нажиму. Музыка из кофра запнулась, когда на грязный линолеум с глухим стуком опустился кожаный чемодан. В душную прихожую просочился запах ночного дождя и холодного парфюма. Он мгновенно вытеснил вонь горелой проводки. На пороге стояла женщина в полупрозрачном шёлке. В уголках её губ застыла ленивая полуулыбка. Линзы аппарата Люция дёрнулись к ней, жужжа шарнирами, помутнели и остановились, захлебнувшись пустотой. Она обвела взглядом застывших соседей. Веки Аркадия Марковича нервно дрогнули. Затем женщина перевела глаза на Люция. Скользнув по его лицу прищуренным взглядом, она не произнесла ни слова, лишь поправила сползающий ремешок сумки и плавно подхватила чемодан. Её каблук выстукивали неспешный ритм. Она прошла сквозь сияющую россыпь бликов, стряхнула пепел с сигареты прямо в центр оптической иллюзии, толкнула дверь в Самую Большую Комнату, внесла чемодан и сухо провернула ключ в замке. В коридоре немедленно вспыхнула немая позиционная война. Её холодный парфюм и тонкий табак намертво схлестнулись с вековым коммунальным чадом — пережаренным луком и ввевшейся в штукатурку сыростью. Аркадий Маркович в тихой панике листал ветхий Свод, судорожно выискивая параграф о несанкционированном захвате метража, но постучать в Самую Большую Комнату трусил. Ильич мрачно сплёвывал на линолеум, пророча, что рассохшиеся балки не выдержат такой вызывающей массы. А тётя Паша на сундуке мелко тряс-

лась под платком, истово бормоча о скорой расправе и поганой метле Хозяина. Адамов в своей промозглой камерке у чёрного хода лица её ещё не видел. Но сквозь разохшиеся доски он всем нутром почуял: воздух загустел, прежний уклад треснул, а за пазухой тревожно заныло золотое письмо. В этом оцепенении и наступило то самое утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.